

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Е. В. Говор

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ (забытые страницы)

Воспоминания современников о нашем выдающемся соотечественнике имеют двоякую ценность: с одной стороны, они нередко освещают малоизученные страницы жизни Н. Н. Миклухо-Маклая, углубляют представления о его многогранной личности, а с другой — показывают, как он воспринимался современниками, характеризуют его окружение. Широко известны опубликованные на русском языке воспоминания В. П. Перелешина, П. Н. Назимова (в изложении А. Б. Асланбегова), А. А. Раковича, Дж. Гальтона, Г. Моно, К. Д. Носилова, А. Пресса, Д. Н. Анучина, менее известны — П. А. Кропоткина, И. В. Маляревского и др. Однако русская печать и до сих пор таит множество ценных сведений о путешественнике. Интенсивный поиск показал, что, несмотря на кажущуюся ее изученность, учтено и введено в научный оборот еще далеко не все. Ряд опубликованных воспоминаний и записок современников Миклухо-Маклая остается либо забытым, либо никогда не упоминается исследователями его жизни и деятельности.

Одна из таких публикаций связана с малоизученным периодом жизни ученого, когда в конце 1874 г. Миклухо-Маклай поселился во дворце магараджи Джохорского перед путешествием по Малаккскому полуострову. 3 декабря он делает запись в дневнике: «Я обедал один и был доволен одиночеством, как вдруг нагрянули неожиданно четыре англичанина, приехавшие в гости к махарадже. Только к половине двенадцатого ночи они уgomонились, а то болтали, пели, свистали etc., etc. Положительно меня все более и более утомляют „die ordentlichen Mitglieder des Menschenpacks“»¹. Оказалось, что воспоминания одного из этих англичан вскоре были напечатаны в английском детском журнале, а в 1876 г. переведены в России². В дневнике Миклухо-Маклая с 4 по 8 декабря 1874 г. нет записей, воспоминания же англичанина проливают свет на жизнь во дворце в эти дни. Он, например, описывает такой эпизод: русский ученый «хотел исследовать голову одного молодого малайца, которого он видел работающим в дворцовом саду; но несчастный мальчик не имел понятия о науках и думал, что Миклухо-Маклай колдун и сглазит его» и убежал в большом испуге³. Возможно, здесь речь идет о юноше Чанди, портрет которого в дневнике Миклухо-Маклая помечен 4 декабря.

В воспоминаниях можно найти детальное описание дворца, сада, характеристики магараджи Абубакира, распорядок дворцовой жизни. Сообщается и о дальнейшей деятельности Миклухо-Маклая, о которой

¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2. М.—Л., 1950, с. 121.

² Четыре дня во дворце. Станция Миклухи-Маклая (Из записок англичанина)/Пер. Сахаровой А. Г.—Семья и школа, 1876, кн. 1, № 4—5, с. 447—455. Найти английский источник нам пока не удалось из-за отсутствия английской детской периодики за 1875—1876 гг. в наших библиотеках.

³ Там же, с. 455.

автор узнал уже будучи в Англии, в частности о проекте биологической станции. Здесь же напечатано сообщение из английских газет о втором путешествии Миклухо-Маклая по Малаккскому полуострову — приводится точная дата его появления в Галенских рудниках в Потани (28 августа 1875 г.), отмечается, что он был в добром здоровье.

Еще большую ценность представляют воспоминания Эдуарда Романовича Циммермана, известного русского путешественника, побывавшего в 1881—1882 гг. в Австралии и Океании. Его увлекательные репортажи публиковались в 1882—1884 гг. в «Отечественных записках», а затем в «Русской мысли»⁴. Интересные сведения сообщает он и о Миклухо-Маклае.

Еще на пути в Австралию Циммермана поразила большая популярность его имени как среди ученых, так и среди людей, далеких от науки. В декабре 1881 г. Циммерман прибыл в Сидней и отправился на пароходе на биологическую станцию в Уотсон-Бей, где в это время жил ученый. Описание окрестностей станции и пути, который не раз приходилось проделывать и Миклухо-Маклаю, словно переносит нас на столетие назад, дает возможность живо представить это место таким, каким видели его современники Миклухо-Маклая. «Место, отведенное здешним правительством под станцию, — рассказывает Циммерман, — не лишено своеобразной пустынной прелести: каменистый грунт едва покрыт тонким слоем зеленеющего дерна; подойдя к краю скалистого берега, вы видите... пролив, соединяющий воды океана с Порт-Джексон... В недалеком расстоянии от станции, ближе к выходу в океан, на мысе возвышается маяк, а там далеко, до самого горизонта катятся морские волны, буруном разбиваясь об отвесные скалы. Среди этой величавой обстановки и помещается скромное убежище ученого исследователя»⁵.

Сойдя с парохода, Циммерман застал на пристани самого Миклухо-Маклая. Было ли у того обыкновение встречать заходивший в Уотсон-Бей дважды в сутки пароход, или у них была предварительная договоренность, можно только гадать. Однако тон описания этой встречи передает искреннюю радость Миклухо-Маклая, возможно, просто стосковавшегося по общению с соотечественниками. Циммерман рассказывает: «Он тотчас же повел меня на основанную им станцию. Поднявшись по скалистому берегу, ...мы вышли на возвышенную площадку, где на каменистой почве одиноко стоит новый, небольшой коттедж с верандой со всех четырех сторон»⁶. Биологическая станция, по воспоминаниям Циммермана, состояла из трех небольших отделений, каждое из которых делилось на рабочую комнату-лабораторию и спальню. Миклухо-Маклай занимал треть дома, два других отделения пока пустовали. Таким образом, станция предназначалась не для шести, как пишут иногда, а для трех исследователей, но имела шесть комнат.

Анализ рассказа Циммермана о значении зоологических станций и их истории позволяет предположить, что перед нами почти дословная запись беседы с Миклухо-Маклаем. Сведения, сообщаемые им, наиболее близки к основным положениям статьи Миклухо-Маклая «О проекте организации зоологической станции в Сиднее», напечатанной в 1878 г. в «Трудах» Линнеевского общества на английском языке⁷. Однако Циммерман ни разу не воспроизводит дословно эту статью, да и вряд ли он был знаком с ней, не будучи специалистом в данной области. Почти в каждой фразе здесь слышится голос самого Миклухо-Маклая: «Вследствие широкого развития естественных наук за последние десятилетия, — читаем мы, — недостаточными оказались музеи и тому подобные склады разных коллекций для строгого изучения природы»⁸. Отме-

⁴ Циммерман Э. Путешествие по Австралии и Океании. — Отеч. зап., 1882, № 8, 9, 12; 1883, № 7—9; Рус. мысль, 1884, № 6—8.

⁵ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 221.

⁶ Там же, с. 220.

⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 3, ч. 2. М. — Л., 1952, с. 337—343.

⁸ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 220.

чая необходимость изучения живых организмов в их среде, Циммерман далее прямо ссылается на слова Миклухо-Маклая: «Зоологическая станция и должна служить... мастерскою или лабораторией для естественно-научных изучений в самом обширном смысле слова»⁹. Изложение финансовой стороны вопроса создания станции, переданное Циммерманом, несомненно, со слов Миклухо-Маклая, совпадает с данными Ф. Гринопа¹⁰ и расходится со сведениями, приводимыми другими авторами.

Обращаясь к исследованиям путешественника на Новой Гвинее, Циммерман одним из первых отмечает в деятельности Миклухо-Маклая прежде всего то, что он «снискал себе уважение дикарей, почитавших его чуть ли не сверхъестественным существом»¹¹. Особый интерес для этнографов могут представить высказывания Миклухо-Маклая об отношениях собственности у папуасов, приводимые Циммерманом. Как известно, в трудах Миклухо-Маклая встречаются описания отдельных конкретных фактов, имеются упоминания об общинной собственности на землю, но отсутствует обобщающая характеристика всей системы этих отношений в целом. Поэтому большую ценность представляет следующая четкая, простая формулировка в статье Циммермана с указанием на то, что он приводит слова самого Миклухо-Маклая: «...у племени, среди которого он жил, господствуют общинные начала: земля составляет собственность племени, живущего в деревне, и разверстывается на участки по семьям. Глава каждого семейства раздает участки младшим членам его, сообразуясь с их потребностями. Таким образом, каждый пользуется землей лишь до тех пор, пока он ее возделывает»¹². Вероятно, под семьями здесь понимаются вемуны. Подобную систему земельной собственности у папуасов описывает и Н. А. Бутинов на основе современных данных¹³. Тем интереснее отметить и в этой области приоритет Миклухо-Маклая, который задолго до других ученых раскрыл сложный характер собственности на землю в первобытной папуасской общине. То, что Циммерман из всей беседы с Миклухо-Маклаем заострил внимание именно на вопросах земельной собственности и общины, не случайно. В то время эти вопросы стояли в центре внимания и в русской жизни, что нашло свое проявление, например, в этнографических работах М. Ковалевского.

Циммерман кратко знакомит русского читателя и с политической стороной деятельности Миклухо-Маклая. Прежде всего он отмечает интерес к исследованиям путешественника со стороны англичан, желавших при колонизации Новой Гвинеи воспользоваться тем доверием и уважением, которое питали папуасы к Миклухо-Маклаю. Сообщает Циммерман, правда, без каких-либо подробностей, и о «тепло написанном заявлении»¹⁴, с которым Миклухо-Маклай обратился к английскому правительству в надежде предотвратить губительные для островитян последствия столкновения с европейской цивилизацией, и отмечает тщетность подобных действий. К этой теме он возвращается в своих путевых очерках не раз, приводя факты об истреблении коренных жителей Австралии, Тасмании и Океании, в том числе рассказывает подробно об охоте на «черных дроздов» — проблеме, которой как раз в эти месяцы уделял большое внимание Миклухо-Маклай.

Определенный интерес для историков могут представить воспоминания Всеволода Федоровича Руднева, командира легендарного крейсера «Варяг». В юности, во время своего первого кругосветного плавания на

⁹ Там же.

¹⁰ *Greenop F. S. Who Travels Alone*. Sydney, 1944, p. 183, 185.

¹¹ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 222.

¹² Там же, с. 223.

¹³ *Бутинов Н. А.* Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968, с. 97—113. О вемунах см. также статьи Н. А. Бутинова «Вемуны в деревне Бонгу» и Д. Д. Тумаркина «Хозяйство папуасов бонгу» в сб. «На берегу Маклая». (М., 1975).

¹⁴ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 223. Вероятно, имеется в виду письмо Н. Н. Миклухо-Маклая начальнику австралийской морской станции от 8 апреля 1881 г. (Собр. соч. Т. 4. М.—Л., 1953, с. 192—194).

крейсере «Африка», он вел дневник, который потом лег в основу его книги¹⁵. Как известно, «Африка» входила в состав русской тихоокеанской эскадры, на одном из кораблей которой — «Вестнике» — Миклухо-Маклай в феврале 1882 г. покинул Австралию. Поскольку Руднев и Миклухо-Маклай находились на разных кораблях, воспоминания мало что добавляют к нашим скудным сведениям об этой поездке Миклухо-Маклая. Но тем не менее в книге есть ценные сведения, относящиеся ко всей эскадре, например точные даты перехода кораблей из порта в порт.

Наиболее интересен подробный рассказ Руднева о кампании клеветы в австралийских газетах с приведением полного текста ряда сообщений. Именно эти ежедневные газетные нападки ускорили выход эскадры из Мельбурна. Так, в газете «The Age» с сенсационными разоблачениями выступил некий Генрих Брайант, состоявший якобы на секретной службе у командира эскадры А. Б. Асланбегова. Газета приводила тексты шифрованной депеши из русского морского министерства и ответ Асланбегова, где речь шла о разведывательной деятельности и, что уже совсем невероятно, о последующем захвате австралийских портов, указывались даже размеры контрибуции с каждого города. Сообщение о прибытии «барона Маклая» на корабль¹⁶, фигурировавшее в газетах в одном ряду с прочими сфабрикованными донесениями о деятельности Асланбегова, приобретало явно одиозный характер. О том, что и другая мельбурнская газета, «Argus», связывала пребывание Миклухо-Маклая в Австралии с крейсеровкой русской эскадры в Тихом океане, сообщал и Циммерман. «Не имеет ли Россия видов на Новую Гвинею», — писала она¹⁷. Однако вскоре выяснилось, что Г. Брайант был отъявленным проходимцем и мошенником, и австралийским газетам пришлось признать вздорность его измышлений¹⁸.

В 1883 г. Н. Н. Миклухо-Маклай на корвете «Скобелев» посетил Новую Гвинею и некоторые другие острова Океании. Об этом плавании сохранились дневниковые записи самого ученого. Кроме того, Б. А. Вальской опубликованы рапорты и письма командующего тихоокеанской эскадрой Н. В. Копытова и командира корвета «Скобелев» В. В. Благодарева¹⁹. Оказалось, что еще один участник экспедиции, молодой офицер Иван Павлович Азбелев, оставил интересные воспоминания о ней. Удалось обнаружить два варианта воспоминаний²⁰, причем обе эти публикации представляют совершенно различные тексты, несколько не дублируя друг друга. Воспоминания в «Московских ведомостях» характеризуют все путешествие, но более подробно первую его часть — от Сингапура до Берега Маклая. Ценность и достоверность их не вызывает сомнений. Воспоминания же, опубликованные в «Роднике», были рассчитаны на детей старшего возраста, и это наложило на них свой отпечаток; на первый взгляд, они даже кажутся излишне беллетризованными. Однако тщательный анализ текста, сопоставление его с другими

¹⁵ Руднев В. Ф. Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880—1883 годах. СПб., 1909 [обл. 1912], 169 с.

¹⁶ Там же, с. 113.

¹⁷ Отеч. зап., 1883, № 9, отд. 1, с. 223.

¹⁸ Fitzhardinge V. Russian Naval Visitors to Australia, 1862—1888.— Journal of the Royal Australian Historical Society, 1966, vol. 52, pt 2, p. 148—152. Подробнее этот эпизод рассмотрен в докладе А. Я. Массова на VII Маклаевских чтениях (Ленинград, 1985).

¹⁹ Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г.— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 13. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 2. М.: Наука, 1972, с. 7—40; ее же. Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г.— В кн.: Страны и народы Востока. Вып. 24. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М.: Наука, 1982, с. 65—94.

²⁰ Азбелев И. У дикарей (Из дальнего плавания).— Родник, 1891, № 11, с. 479—505. Тот же текст вышел отдельной брошюрой: Азбелев И. У дикарей (Из воспоминаний бывшего русского моряка). СПб., 1899, 44 с. (2-е изд. СПб., 1904, 43 с.). Другой текст воспоминаний был опубликован под псевдонимом: Лев П. У папуасов (Из воспоминаний моряка о Н. Н. Миклухо-Маклае).— Моск. ведомости, 1893, 6 сент., № 245; 7 сент., № 246.

известными источниками приводят к выводу, что это повествование Азбелева состоит как бы из двух потоков. Первый, вполне достоверный, — это его личные впечатления от плавания, контактов с туземцами и, что важнее всего, деятельности Миклухо-Маклая. Записи охватывают 6 дней с 16 по 21 марта 1883 г. Однако этого автору или редакции журнала показалось недостаточно, и текст был дополнен разнообразными компилятивными сведениями о Новой Гвинее, о жизни папуасов в разных частях острова. Ныне эти данные, конечно, утратили свое значение. Страницы же, посвященные непосредственным впечатлениям Азбелева, и сейчас читаются с большим интересом, дополняя известные сведения об этом плавании рядом новых фактов, делая его более зримым, поскольку сам Миклухо-Маклай часто описывает события очень сдержанно, не говоря уже об официальных рапортах Копытова и Благодарева.

Обратимся сначала к публикации в «Московских ведомостях». Эти воспоминания позволяют представить плавание «Скобелева» к Новой Гвинее в восприятии рядового участника экспедиции. Азбелев пишет о длительной стоянке в Сингапуре в ожидании распоряжений и об упорно ходивших среди команды слухах о предполагаемом плавании на «дикие острова». Далее он сообщает, что в феврале была получена телеграмма из Петербурга с приказанием «Скобелеву» немедленно идти в Сидней, взять там Миклухо-Маклая, а затем с ним отправиться на Новую Гвинею и другие острова²¹. Однако из донесений Копытова известно, что вместо «Скобелева» в Австралию предполагалось послать другое судно. Учитывая сообщение Азбелева, можно предположить, что пока велись официальные переговоры Копытова с морским министерством, команда находилась в полном неведении об изменении маршрута и питалась лишь слухами. Подробно описана Азбелевым стоянка в Батавии и неожиданное появление на борту Миклухо-Маклая, рассказывает он и о пребывании в Макассаре, где Миклухо-Маклай посетил губернатора и раджу.

Но вот, наконец, корвет вошел в залив Астролябия. Азбелев вспоминает: «Н. Н. Маклай во всем белом стоит на мостике, в неизменной белой пробковой каске на голове и ни на минуту не сводит своих голубых, лихорадочно горящих глаз с утопающей в зелени линии берега. Мы, „молодые Робинзоны“, ...теснимся вокруг него, надоедая ему своими расспросами»²². Первая встреча с папуасами в дневнике Миклухо-Маклая описана немногословно: «...в половине шестого вечера бросили якорь в порте Константина. Я съехал на берег, на мысок Обсервации, и, увидев там несколько старых знакомых из Гумбу, сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия — свиньи, таро, бананы и т. п. Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет»²³. И вот сколько дополнительных подробностей сообщает об этой встрече Азбелев: после томительного ожидания моряки «увидели торчащую из-за куста черную голову, которая постепенно высывалась все больше и больше — и наконец появился весь дикарь и сел на корточки рядом с кустом; скоро к нему подполз здругой и тоже сел рядом. Смотрят они на нас и не шелохнутся. Миклухо-Маклай попросил шлюпку и поехал прямо на них. Дикари исчезли, но Николай Николаевич несколько раз громко назвал себя по имени. Опять осторожно высунулась фигура дикаря; дикарь с несколько секунд как будто колебался, но потом вдруг громко крикнул: „Маррай! Маррай!“ — и побежал к воде навстречу Маклаю. За ним выскочил из-за кустов второй, третий, четвертый, и их набралось человек до двадцати. Все побежали к Маклаю и встретили его шлюпку вброд. Отлогость берега не позволяла шлюпке подойти вплоть, и дикари, подхватив Миклухо-Маклая на руки, вынесли его на берег. Видно было, что дикари рады видеть своего старого знакомого; они смеялись, громко

²¹ Моск. ведомости, 1893, 6 сент.

²² Там же.

²³ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2, с. 583.

что-то кричали и похлопывали Николая Николаевича по плечу»²⁴. В «Московских ведомостях» эта встреча описана еще детальнее, причем Азбелев добавляет со слов Миклухо-Маклая: когда папуасы перенесли его на землю, они заметили, что Маклай, «вероятно, ел много свиней, так как стал значительно тяжелее прежнего»²⁵.

Следующий день, 18 марта, Миклухо-Маклай и моряки «Скобелева» провели на берегу. Как вспоминает Азбелев, первые слова, которыми их встретили папуасы, были: «Тамо русс биллен, табак!»²⁶ и отмечает, что они знали общее название нашего народа, ряд русских слов. Азбелев рисует картину запустения на месте бывшего дома Миклухо-Маклая, сообщает любопытные подробности о посещении Бонгу, поведении папуасов при раздаче подарков, устройстве и утвари хижин.

19 марта корвет направился в порт Алексея для описи архипелага Довольных людей. У острова Били-Били на корвет взяли несколько островитян в качестве переводчиков, в том числе Каина — давнего приятеля Миклухо-Маклая. До сих пор об этом эпизоде нам было известно только из его дневника и из письма Копытова к жене. К тому же, как выяснили участники 6-го рейса на «Дмитрии Менделееве», предание об этом сохранилось у жителей Били-Били и поныне²⁷. Миклухо-Маклай записывает в дневнике: «Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой... Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удерживать Каина»²⁸. Как известно, Гассану удалось бежать.

Очевидцем тех же событий был и Азбелев. Его описание содержит много дополнительных штрихов, в частности он рассказывает о меновой торговле между островитянами и моряками, проходившей в то время, пока Миклухо-Маклай ездил за Каином. Вместе с тем воспоминания очень эмоциональны, написаны с каким-то истинно русским состраданием к оказавшимся в неволе туземцам: «На корвете осталось только трое: Каин, его спутник Марамай, которого, кстати сказать, матросы сейчас же прозвали Еремеем, и еще один очень красивый и не в пример прочим очень хорошо сложенный дикарь... Каин... был уже пожилой человек, с очень умными и проницательными глазами. Грустно смотрел он в сторону острова Били-Били и просил Миклухо-Маклая отпустить их всех, уверяя, что дома теперь горько убиваются их жены и дети. Дикари пригорюнились. Их уже не веселили наши подарки, они начали смотреть на все совершенно равнодушно, видно было, что их занимала только одна мысль — освободиться от неволи, и красавцу-дикарю это удалось»²⁹. Из воспоминаний Азбелева мы узнаем, что побег Гассана произошел, когда корвет отошел от острова уже на 7 верст и тот превратился в черную точку на горизонте.

Азбелев рассказывает и о таком неизвестном факте, как попытка использовать Каина в качестве проводника при поиске прохода между островами архипелага Довольных людей. В порте Алексея Каину и Марамаю удалось бежать на туземном каноэ. Азбелев в это время вместе с Миклухо-Маклаем и другими офицерами подходил на паровом катере к корвету. Беглецов догнать им не удалось. «Миклухо-Маклай был очень огорчен таким недоверием к нам дикарей», — пишет Азбелев³⁰. После этого Маклай взял одного из туземцев с проходившей мимо пироги на корвет в надежде, что это заставит Каина и Марамаю вернуться. На корвете пленник «благодаря добродушию матросов чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали»³¹, — отмечает Миклухо-Маклай. В восприятии же Азбелева эти события

²⁴ Родник, 1891, № 11, с. 482.

²⁵ Моск. ведомости, 1893, 6 сент.

²⁶ Родник, 1891, № 11, с. 482.

²⁷ Бутинов Н. А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975, с. 109.

²⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2, с. 589.

²⁹ Родник, 1891, № 11, с. 500.

³⁰ Там же, с. 503.

³¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2, с. 590.

выглядят намного драматичнее: «Надо было видеть испуг несчастного дикаря, когда Маклай схватил его за руку и потащил на катер: его лицо болезненно искривилось, он затрясся и испустил нечеловеческий крик... Я до сих пор помню его потерянное, испуганное лицо. Все время пребывания на корвете дикарь казался ошеломленным и лицо его не выражало ничего кроме равнодушия... Ему делали подарки, украшали кумачом, бусами, а шутники матросы даже раскрасили ему лицо и руки масляной краской, но несчастный все время сидел, как истукан»³².

Заканчивая свои воспоминания, Азбелев отмечает, что в Маниле команда с сожалением рассталась с Миклухо-Маклаем, «которого все офицеры и даже матросы успели искренне полюбить»³³.

Наибольшее количество воспоминаний современников, несомненно, связано с приездом Миклухо-Маклая на родину. Остановимся на некоторых из них, относящихся к последним годам жизни путешественника.

Например, они позволяют установить факт личного знакомства Миклухо-Маклая с Ильей Ильичом Мечниковым. Имя его несколько раз упоминается в письмах Миклухо-Маклая из Мессины в 1869 г., когда он просил родных выслать ему деньги в Одессу на имя профессора Мечникова, который незадолго до Миклухо-Маклая также работал в Мессине³⁴. Кроме того, письма Мечникова показывают, что он в те же годы интересовался экспедицией Миклухо-Маклая на Канарские острова³⁵. Тогда, в Одессе, их встреча, вероятно, не состоялась, так как Мечников вскоре уехал в Петербург.

Но о встрече ученых через много лет мы узнаем из воспоминаний ученика Мечникова Я. Ю. Бардах³⁶. «Я по какому-то делу зашел на квартиру к Илье Ильичу, — пишет Бардах, — и застал у него известного путешественника Миклухо-Маклая... Он рассказывал ...о нравах и обычаях дикарей. Илья Ильич обнаруживал большой интерес, интересовался главным образом антропологическими данными и при этом показывал такие сведения, что поверг Миклухо-Маклая в полнейшее изумление: „Да откуда Вы все это знаете? Я не предполагал, что Вы такой глубокий знаток“, — говорил он, на его выразительной физиономии отражалось то изумление, то уважение, то радость». И далее Бардах приводит слова Миклухо-Маклая, обращенные к Мечникову: «Я рад, что мои труды будут читаться и найдут справедливую оценку в лице такого знатока, как Вы»³⁷. Хотя Бардах и не датирует эту встречу, но сопоставляя переезды ученых, можно утверждать, что произошла она в апреле 1886 г. в Одессе, где Мечников в это время занимался организацией бактериологической станции.

В июне 1886 г. Миклухо-Маклай приехал в Петербург, выдвинул проект русской колонии в Тихом океане, который широко освещался в печати, а 8 октября в Академии наук открылась выставка его этнографических коллекций. В связи с этим интересно отметить большую статью Д. А. Коропчевского «Несколько слов об этнологической коллекции г. Миклухо-Маклая»³⁸. Дмитрий Александрович Коропчевский — выдающийся русский этнограф, известен также как популяризатор науки. Статья была вызвана, по словам автора, тем «сравнительным равнодушием, с каким у нас встречают труды г. Миклухо-Маклая»³⁹. С горечью он говорит о «бессмысленном глумлении», насмешках над ученым в русской печати, не желающей видеть, что Миклухо-Маклай принес на алтарь науки самую большую жертву — свою жизнь⁴⁰. По

³² Родник, 1891, № 11, с. 503—504.

³³ Моск. ведомости, 1893, 7 сент.

³⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4, с. 20, 23, 24.

³⁵ Мечников И. И. Письма (1863—1916). М., 1974, с. 49.

³⁶ Бардах Я. Ю. Воспоминания об И. И. Мечникове. — Врачебное дело, 1925, № 15—17, стб. 1195—1201.

³⁷ Там же, стб. 1200.

³⁸ Дело, 1886, № 6, с. 68—78. Номер вышел из печати в конце октября.

³⁹ Там же, с. 69.

⁴⁰ Там же, с. 68—69.

мнению Коропчевского, труды Миклухо-Маклая «застали неподготовленными и наш ученый мир и нашу публику», потому что этнография в России не получила еще «права гражданства», кафедра ее не замещена ни в одном университете⁴¹. И Коропчевский счел своим долгом дать описание этнографической коллекции Миклухо-Маклая, представленной на выставке. Оно строится автором как экскурсы в различные стороны быта и общественной жизни папуасов, содержит многочисленные подробности о назначении предметов, их изготовлении и т. д. Это позволяет утверждать, что Коропчевский присутствовал при пояснениях Миклухо-Маклая на выставке, а то, с какой страстностью он стал на защиту доброго имени ученого, дает возможность предположить, что они были близко знакомы. Комментарии Коропчевского явились по существу первым описанием коллекции Миклухо-Маклая, сделанным русским этнографом-профессионалом, это сохраняет их ценность для истории науки и в наше время. Материалы этой статьи были использованы автором и при подготовке его научно-популярной книги «Меланезийцы», вышедшей в 1889 г.

Иной характер носят воспоминания, принадлежащие перу известного журналиста Абрама Евгеньевича Кауфмана. Они появились лишь через 25 лет после смерти Миклухо-Маклая⁴². Кауфман с 1884 по 1888 г. работал помощником редактора «Новостей и биржевой газеты», на страницах которой неоднократно фигурировало имя путешественника. Кауфман был близко знаком с рядом лиц, участвовавших в газете и знавших Миклухо-Маклая, например с профессором В. И. Модестовым, писателем В. О. Михневичем. Думается, что будь эти воспоминания написаны по горячим следам, мы узнали бы много нового о газетных баталиях вокруг имени Миклухо-Маклая. Кауфман же такой целью не задавался, упоминает об этом глухо, и статья его — это очерк встреч и бесед с Миклухо-Маклаем на темы, представляющие интерес для широкого читателя. Однако многие его замечания не лишены ценности, дополняют и подтверждают воспоминания современников.

«Это было в 1887 году, — вспоминает Кауфман. — В редакцию одной петербургской газеты, где я тогда работал, явился невысокого роста посетитель с небольшою черной бородою и с бледным лицом. „Я — Миклухо-Маклай!“ — отрекомендовался мне посетитель... И надо было видеть, как оживилось лицо его, каким фосфорическим блеском загорелись его глаза, когда он заговорил об исследованных им землях, о папуасах, почти открытых им ученому миру, о своих планах и дальнейших научных работах, задуманных им»⁴³. И далее Кауфман отмечает: «В рассказах Миклухо-Маклая не было и тени самохвальства и желания порисоваться, когда он передавал самые, казалось, невероятные вещи о своих далеких странствиях». Вспоминает Кауфман и о том негодовании, с каким «обыкновенно спокойный и уравновешенный Миклухо-Маклай передавал о посягательствах голландцев и немцев» на Новую Гвинею»⁴⁴.

Характерен серьезный ответ Миклухо-Маклая на шутливое замечание писателя В. О. Михневича, что папуасы в одно прекрасное утро могут съесть его: «Люди под всеми широтами, — сказал Миклухо-Маклай, — всегда остаются людьми. Надо только уметь подходить к ним, уметь внушать к себе доверие, считаться с их мировоззрением, обычаями и нравами»⁴⁵. Эти слова перекликаются со строками письма Льва Толстого Миклухо-Маклаю. Много говорит Кауфман и о том скептическом отношении, с которым встречали на родине планы Миклухо-Маклая, о забвении его имени в последующие годы.

⁴¹ Там же, с. 69.

⁴² Кауфман А. Е. «Человек с Луны». Воспоминания о Н. Н. Миклухо-Маклае. — Природа и люди, 1913, № 22, с. 337—340.

⁴³ Там же, с. 337.

⁴⁴ Там же, с. 338.

⁴⁵ Там же, с. 337.

Ощутить трагизм последних лет жизни Миклухо-Маклая помогают и воспоминания Владимира Александровича Поссе. Его старший брат — Константин — был другом Миклухо-Маклая с гимназических лет и до последних дней. Разница в возрасте между братьями составляла 17 лет. Владимир, общественный деятель, публицист, врач, был знаком со многими выдающимися людьми своего времени. В книге воспоминаний «Пережитое и продуманное», вышедшей в 1933 г. в Ленинграде, он много страниц посвятил своему старшему брату Константину Александровичу — известному математику, профессору Петербургского университета. Владимир рисует его и как хорошего музыканта, рассказывает о его увлечении театром, о его политических взглядах.

Среди товарищей брата, Владимира больше всего интересовал Миклухо-Маклай. «Я его в детстве часто видел, но лицо его помню смутно,— пишет он.— Лучше запомнились многочисленные рассказы брата о его причудливых выходках, о его тяготении к опасным путешествиям, жизни среди дикарей...»⁴⁶. К сожалению, воспоминания Владимира не добавляют ничего существенного к фактическим сведениям о Миклухо-Маклае, и тем не менее они очень точно передают всю глубину и трагизм непонимания, которое окружало Миклухо-Маклая в последние годы его жизни и, очевидно, проявлялось и со стороны ближайших друзей, бывших в курсе его дел и чаяний. Так, Владимир пишет об отношении Константина Александровича к Миклухо-Маклаю: «Брат любил его, но считал, что он растрчивает свою энергию и свои недоюжные способности в никчемных авантюрах. Брат посмеивался над надеждами Миклухи включить в Российскую империю Новую Гвинею и другие тихоокеанские острова, населенные папуасами»⁴⁷. Или в другом месте: «Пытался брат привести в порядок оставшиеся после Миклухи научные работы, но, как он мне говорил, ничего цельного и научно ценного в оставшихся рукописях не удалось найти»⁴⁸.

Итак, русская печать позволяет нам глубже заглянуть в разные периоды жизни ученого. Конечно, эти материалы не равноценны, писались в разное время и с разной целью, кое-что в них субъективно и, может быть, не всегда достоверно, но тем не менее, если мы хотим составить подлинное представление о Миклухо-Маклае, их надо рассматривать как источник, к которому не раз будут обращаться исследователи жизни и деятельности путешественника. В связи с этим, думается, назрела необходимость подготовки сборника воспоминаний современников о Миклухо-Маклае. Такое издание будет интересно как этнографам и историкам, так и самым широким кругам читателей.

⁴⁶ *Поссе В. А.* Пережитое и продуманное. Л., 1933, с. 18.

⁴⁷ Там же, с. 18.

⁴⁸ Там же.